

*Протоиерей Феодор Кривонос*

**Преподобномученик Серафим (Шахмуть):  
жизнь и пастырские труды**

12 декабря 1999 г. в Минском Свято-Духовом кафедральном соборе при участии всех архиереев Белорусской Православной Церкви и при стечении огромного числа верующего народа были прославлены 23 новомученика, пострадавших в Минской епархии в тяжелейший период гонений на Церковь Христову в XX ст.

В центре иконы, написанной в память об этих угодниках Божиих, мы видим изображение преподобномученика Серафима (Шахмутия). Облачённый в чёрное монашеское одеяние, он смотрит на нас сквозь десятилетия прошедшей жизни, являя собой образец человека, достойно совершившего свой земной путь, несмотря на многие трудности и невзгоды, встречавшиеся на этом пути.

Сегодня отец Серафим почитается верующими как в Жировичском Свято-Успенском монастыре, насельником которого он долгие годы подвизался, так и за пределами этой древней обители. В честь его в Слониме освящён храм. Ежегодно 6 сентября, накануне дня памяти этого страдальца-исповедника, из Слонима в Жировичи совершается крестный ход с участием многих почитателей святого.

Всё это обязывает нас к тому, чтобы мы имели по возможности лучшее представление о жизни и пастырских трудах преподобномученика Серафима, всей душой пламеневшего к познанию Бога.

Будущего насельника Жировичской обители в миру звали Романом. Он родился 15 июля 1901 г. в селе Подлесье, ныне

располагающегося недалеко от Ляхович Барановичского района в равнинной, глинистой местности. Его отец, Роман Максимович Шахмуть, простой сельский труженик, всю жизнь занимался хлебопашеством. Мать – Елена Дмитриевна (в девичестве Проневиц) воспитывала десять детей. Семеро из них умерли в детстве. Это были сёстры отца Серафима. Кроме них у него было два родных брата. Старший Григорий также трудился на земле. Он в 1913 г. был призван на военную службу, которую проходил в г. Ковно (современный Каунас). После окончания службы возвратился в Подлесье, где вновь занялся сельским трудом. Второй брат Сергей до 1918 г. трудился конторщиком на железнодорожной станции Лунинец, а позже работал заведующим лесопильным складом на станции Птичь.

Жизнь этой большой крестьянской семьи была не из лёгких. Голод и страшная нужда сопровождали родителей Романа Шахмутя. Семь дорогих его сердцу родных сестёр потерял он на заре своей земной жизни, и, может быть, это обстоятельство в немалой степени заставило задуматься совсем ещё молодого человека о том, зачем он живёт и в чём смысл его жизни; может быть, именно боль, связанная с утратой дорогих ему людей, обратила его взор от земного к Небесному, от дольного к Горнему, и послужила тем импульсом, который определил в дальнейшем его путь к монашескому служению<sup>1</sup>.

В 1915 г. в ходе эвакуации, вызванной приближением к Подлесью военных действий между немецкими и русскими войсками, умер отец Романа, и он стал наполовину сиротой. К этому времени он уже окончил Ляховичское 2-х классное народное училище, а в 1916 г. сделал первый шаг к своему призванию – поступил послушником в Минский Свято-Духов мужской монастырь. Однако недолго довелось ему проживать в губернском Минске. С началом революции монастырь закрыли, и Роман вернулся в родную деревню. Там он занялся нелегким крестьянским трудом, обзавёлся тремя десятинами земли, завёл двух коров, одну лошадь, пять овец, пару свиней, домашних птиц. Но стремление к монашескому

<sup>1</sup> Центральный Архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (ЦА КГБ РБ). Д. 35844-с. Л. 11–12.

деланию не оставляло его. Он регулярно посещал местную церковь, пел в приходском хоре, постигал основы церковного устава. В 1921 г. Роман выдержал экзамен на звание псаломщика и получил назначение к церкви Рождества Пресвятой Богородицы села Велятичи Пинского уезда, но прослужил в ней недолго. В 1922 г. он выехал в Жировичский монастырь, где 1 апреля 1923 г. принял монашеский постриг с именем Серафим. Так началась новая жизнь.

Обладая хорошим слухом и красивым голосом, молодой послушник был привлечён к пению в монастырском хоре. В 1926 г. его рукоположили в иеродиакона<sup>2</sup>.

Сохранилась фотография, на которой мы видим отца Серафима среди регентов и псаломщиков близлежащих к Жировичам приходских храмов. Снимались у бокового входа в Свято-Успенский собор. Фотография сделана приблизительно в конце 1920-х – начале 1930-х гг. К сожалению, мы не можем назвать поимённо тех, кто на ней изображён. Но обращает на себя внимание то, что среди её фигурантов встречается только одна женщина. Церковно-певческое дело в Западной Беларуси в довоенный период находилось почти всецело в руках мужчин. Только после Второй мировой войны ситуация стала меняться – и сегодня во главе церковно-приходских хоров стоят в основном женщины.

Не исключено, что среди изображённых на фотографии есть выпускники Жировичского духовного училища, которое действовало до начала Первой мировой войны, а в 1896–1906 гг. возглавлялось Петром Фёдоровичем Полянским, будущим митрополитом Крутицким, Местоблюстителем Патриаршего престола, мученически погибшим в 1937 г., а ныне канонизированным Русской Православной Церковью.

О жизни отца Серафима в Жировичах известно очень немного. По характеру он был простым, не искущённым в светских науках человеком, но отличался глубокой верой в Бога и стремлением к неукоснительному исполнению своего монашеского призвания. Приверженный аскетическому образу жизни, он одно время проживал при Свято-Георгиевской церкви, по сей день располагающейся на

---

<sup>2</sup> Клировая ведомость Курашевской церкви, Белостокского воеводства за 1935 г. (копия) / Архив протоиерея Феодора Кривоноса.

старом Жировичском кладбище. И в холод, и в жару ходил всегда в сапогах. В общении с насельниками монастыря и паломниками был доступен и обходителен.

Пребывая в Жировичах, отец Серафим познакомился с опальным архиепископом Пантелеимоном (Рожновским), который за нежелание поддержать провозглашённую в 1925 г. автокефалию Православной Церкви в Польше был заточён вначале в Мелецкий монастырь на Волыни, а затем переведён на поселение в Жировичскую обитель. Надо полагать, что под влиянием владыки Пантелеимона отец Серафим постепенно сформировался как монах высокой духовной жизни.

В 1935 г. его рукоположили в иеромонаха и в конце сентября того же года благословили отправиться с особым поручением в с. Курашево, входившее в Бельск-Подляшский деканат Белостокского воеводства<sup>3</sup>. В Курашево действовала церковь Преподобного Антония Печерского. Издревле она являлась православной, но в 1925 г., несмотря на сопротивление местных жителей, её захватили так называемые униаты «Восточного обряда». Перед отцом Серафимом была поставлена задача – вернуть храм в лоно Православной Церкви. С этой задачей он справился, прежде всего, потому, что сумел с редкой любовью и вниманием отнестись к нуждам и проблемам местных жителей. Его простота обрела гармоничное сочетание с простотой их народного характера.

Сохранились воспоминания старожилов, помнивших о миссионерском служении отца Серафима даже спустя многие десятилетия. Они были напечатаны в Белостоке в православном листке «Братчик» в 2000 г. Приведём эти воспоминания, по возможности, полнее.

«В одно из воскресений, несколько лет тому назад, мы, вместе с господином Иваном Федоруком, сегодняшним председателем Братства Святых Мефодия и Кирилла в Гайновке, были на литургии в храме преподобного отца нашего Антония Киево-Печерского в деревне Курашево. Там, среди крестов, окружающих эту скромную деревенскую церковь, нас особенно заинтересовал памятник

---

<sup>3</sup> Там же.

голубого цвета, внешне напоминающий аналой с крестом вверху и лежащее под ним открытое Евангелие. Надпись, выбитая ниже на памятнике, показалась нам очень таинственной:

“Архимандрит Серафим.

Жил 50 лет. Ум. 5. III. 1946 г.

Р.Р.Б. Роман, Елена, Григорий.

Незабвенный пастырь.

Курашевское Церковное Братство и проч.

1. XI. 1949 г.”

Тогда впервые столкнулись мы с именем человека, который оставил после себя добрую память и глубокий след в сердцах местных жителей... И когда мы стояли возле памятника, размышляли и задумывались, кто был этот архимандрит, к нам подошла женщина, невысокая старушка. Прежде всего, в её обличии обратили на себя внимание её натруженные руки. С искривленными от тяжёлого труда пальцами. Она первая рассказала нам об отце Серафиме, которого очень хорошо помнила. Перед войной, в то время, когда батюшка находился в Курашеве, она убирала в храме, ткала для церкви полотно и ковры, а по воскресеньям, когда в деревне организовывались общие обеды – готовила и убирала... К сожалению, этой женщины уже нет среди нас. Она умерла два года тому назад. Звали её Параскева Кузьмюк...

12 ноября 2000 г. мы направились в Курашево вместе с господином Павлом Ивацником с намерением встретиться с людьми, которые могли бы рассказать что-нибудь об отце Серафиме. Нам исключительно повезло<sup>4</sup>.

Вот, что рассказал житель деревни Иван Артышук (1913 г. р.), старый худой человек с седыми, высоко зачёсанными волосами и с глубоко запавшими глазами. Он изумил собеседников своей памятью, более двух часов рассказывая о событиях, свидетелем которых был в течение долгой жизни. «Батюшка Серафим приехал в Курашево в 1935 г., – рассказывал Артышук, – запомнил это точно. Весной следующего года я уехал в Армию (17. III. 1936 г.). Батюшка меня благословил, и в его глазах заблестели слёзы». Находясь в

<sup>4</sup> Святой Серафим (Шахмуть), архимандрит Жировицкий // Братчик. 2000. № 232.

Курашево, отец Серафим некоторое время жил в семье Артышуков. Церковный дом в то время был занят униатским священником....

О борьбе жителей Курашево за Православие можно было бы написать целую историю. Однако же, после многих драматических событий уже в 1935 г. храм перешёл в руки православных.

Часто, преимущественно летом, собирались под грушей в саду семьи Артышуков, беседовали на религиозные, исторические темы, читали Библию. Отец Серафим объяснял людям непонятные места и отвечал на вопросы, учил. Объяснял, чем в действительности является уния, и какое зло она может принести. На эти встречи под грушей приходили не только жители Курашево, но также люди из окрестных приходов. «Батюшка ходил из дома в дом и читал акафисты, молился, был хорошим проповедником...»

«У него был великолепный голос, – вспоминала Мария Артемюк, – певшая в то время в детском хоре. Батюшка любил детей, всегда каждому что-то дарил, то конфету, то пряник, иногда святую иконку. По его инициативе было образовано Курашевское Церковное Братство. Отец Серафим организовывал пешие паломничества в Жировичи, Яблочин, Бельск-Подляшский...»

Иван Малашевский (1921 г. р.) вспоминал о своей встрече с отцом Серафимом с особым восторгом и живостью: «Было это тогда, когда батюшка возвращался с крестным ходом из Яблочина. Его одухотворённое лицо я буду помнить до конца своих дней. Первый раз я его увидел, когда был молодым юношей... И сейчас в старости, смотря на его икону, вижу его во второй раз... Это всё равно как бы он пришёл ко мне в мой дом».

Старики в деревне рассказывали о случаях прозорливости отца Серафима. Супруги Лука и Анна, долгое время не имевшие детей, горячо просили его святых молитв. Тогда он сообщил им, что скоро у них родится девочка. Так и произошло...

Это был образец священника, который жил только для Бога. Помогал бедным людям, всем, кто просил у него поддержки и помощи. Был всегда с нуждающимися. Бывало, что последний грош отдавал просящему. В Курашево хорошо известен случай, когда отец Серафим подарил деньги на свадьбу одним бедным молодым

людям. Он жалел всех больных, убогих и обиженных судьбой<sup>5</sup>.

Поразительно, но жители Курашева помнили об отце Серафиме спустя несколько десятилетий. Даже Вторая мировая война не заслонила, не стёрла из их памяти образ этого выдающегося пастыря! А ведь он прожил на Белосточчине всего лишь два с половиной года. И надо же, те, кто сохранил о нём память, установили ему в 1949 г. (после мученической кончины в советских лагерях) символический памятник в Гайновке...

В апреле 1938 г. по благословению священноначалия отец Серафим, восстановивший в Курашево православный приход, вернулся в Жировичский Свято-Успенский монастырь<sup>6</sup>. Здесь он вновь принял участие в крестных ходах с Жировичской чудотворной иконой Божией Матери. Эти ходы проводились с целью защиты Православия от посягательств католиков, а также для сбора средств на ремонт монастыря. Вместе с иконой отец Серафим побывал в Гродно, Бресте, Волковыске, Пружанах и многих других местах.

За усердие, проявленное в несении пастырских трудов, в конце 1939 г. архиепископ Пантелеимон (Рожновский) возвёл его в сан игумена, а немного позже посвятил в архимандриты.

Новые испытания выпали на долю Жировичского подвижника с началом советско-нацистской войны. В августе 1941 г. по благословению владыки Пантелеимона отец Серафим вместе со священником Григорием Кударенко покинул Жировичи и выехал в направлении Минска с целью организации церковно-приходской жизни там, где она была разрушена в довоенный период.

Стремясь охватить как можно больше населённых пунктов, миссионеры отправились в дорогу не на поезде, а на лошадях. Они посетили множество селений в Копыльском, Слуцком и Узденском районах, где в недавнем прошлом действовали церкви. В каждом селении ими собирались прошения от верующих на имя арх. Пантелеимона (Рожновского) с просьбой об открытии приходских церквей, избирались строительные комитеты, совершались богослужения<sup>7</sup>.

<sup>5</sup> Святой Серафим (Шахмуть), архимандрит Жировицкий // Братчик. 2000. № 232.

<sup>6</sup> ЦА КГБ РБ. Д. 35844-с. Л. 12.

<sup>7</sup> *Кривонос Феодор, протоиерей*. Но печаль ваша в радость будет. Жировичи, 2013. С. 27–28.

По прибытии в Минск архимандрит Серафим и иерей Григорий непродолжительное время служили в Спасо-Преображенской церкви бывшего женского монастыря. Но уже в январе 1942 г. они вновь отправились в путь, на этот раз – в Восточную Белоруссию, с той же целью миссионерской проповеди. В Вербное воскресенье 1942 г. миссионеры прибыли в г. Сенно, где отслужили Божественную литургию, на которой присутствовало свыше 1000 молящихся. Там же ими было крещено около 200 детей. Накануне праздника Святой Пасхи они прибыли в Витебск и остановились при Свято-Казанской церкви Маркова Свято-Троицкого монастыря<sup>8</sup>.

В Витебске отцом Серафимом была написана краткая корреспонденция, напечатанная в газете «Новый Путь». В ней рассказывалось об открытии церквей, говорилось о том, что «... народ радуется этому, энергично очищает храмы от колхозного зерна, а новоиспечённые клубы и театры (в прошлом церкви) – от мебели и мусора»; также подчёркивалось, что «...народ в открываемые церкви несёт сохранённые у себя ризы, кресты, Евангелия, Антиминсы и вообще церковные принадлежности; помогает ремонтировать церкви, посещает их, горячо молится, крестит детей и просит отпеть ранее усопших отцов и матерей, которые были похоронены без напутствия и погребения». В той же корреспонденции говорилось, что «...церкви посещает даже молодёжь и дети... и храмы в большие праздники переполнены до отказа»<sup>9</sup>.

После Витебска отцы Серафим (Шахмуть) и Григорий Кударенко направились в Оршу, по дороге остановившись в Богушевске, где многих крестили. Затем посетили: Быхов, Жлобин, Могилёв и многие другие населённые пункты Восточной Беларуси. Позже они поселились в Гомеле, сделав его центром своей проповеди. В Гомеле отец Серафим и отец Григорий служили в Свято-Петро-Павловском кафедральном соборе и одновременно посещали окружные приходские храмы. Недалеко от Гомеля в Чонках проповедники содействовали возобновлению деятельности женского монастыря, собрав в его стенах тридцать сестёр. Игуменьей этой обители стала

<sup>8</sup> Возрождение религиозной жизни // Новый путь. 1942. № 25(76).

<sup>9</sup> ЦА КГБ РБ. Д. 35844-с. Л. 38.



монахиня Поликсения. Тогда же архимандрит Серафим постриг в рясофор Манефу (Скопичеву), которая в наше время канонизирована Церковью как местночтимая святая.

В сентябре 1943 г. миссионеры выехали в Бобруйск и вскоре возвратились в Минск, завершив, таким образом, поездку.

Везде, где побывал отец Серафим, им собирались материалы о тех преследованиях, которым подвергались православные верующие в довоенные годы. В этих материалах он рассказывал о том, что ко времени посещения им Восточной Белоруссии на всей её территории «...не было ни одного епископа, причём нигде не было (за исключением Орши) ни одного открытого для богослужения храма; что духовенство в большинстве своём и повсеместно было сослано, заточено в тюрьмы, а многие даже расстреляны; что церкви были превращены в клубы, театры, амбары... и многие из них разрушены; что почти всё церковное имущество было разгромлено и уничтожено безбожниками». Далее говорилось, что «народ радуется открытию церквей, и в Витебске при открытии Свято-Покровской церкви народ до того был тронут, что весь зарыдал, и священники не могли служить и был временный перерыв... и в Гомеле тоже при нашем отъезде зарыдал весь народ»<sup>10</sup>.

Вернувшись в Минск, архимандрит Серафим и иерей Григорий стали служить в открытой ими Свято-Духовой церкви (ныне – кафедральный собор). Открытие храма проходило торжественно. Иконостас был выполнен художником Николаем Гусевым. При храме открыли монастырь, для которого богослужебные книги взяли из исторического музея. Наряду со служением в этом храме отец Серафим имел пастырское попечение над больницами города, инвалидными домами и детскими приютами, неся слово утешения тем, кто был обездолен войной.

В июне 1944 г. оба проповедника выехали из Минска в Гродно. На пути они посетили родное село отца Серафима – Подлесье, где он на проповеди поведал своим односельчанам случай, явно свидетельствующий о чуде Божиим. Во время миссионерской поездки в одном из городов Восточной Беларуси у него неожиданно

<sup>10</sup> ЦА КГБ РБ. Д. 35844-с. Л. 40.

образовался на теле нарыв. Болезнь быстро прогрессировала и стала угрожать жизни миссионера. Немецкий врач осмотрел больного и счёл его безнадежным, сказав, что, к сожалению, ничем помочь не может. Отец архимандрит настолько страдал, что даже на кровать взбирался с помощью приставленной к ней табуретки... Однажды, когда он был в спальне, начался налёт советской авиации. В это время отец Серафим услышал голос, повелевший ему покинуть спальню. Повинуясь ему, он с трудом добрался до кухни. Вскоре в дом попала бомба. Один из её осколков вскрыл абсцесс. Через пробитое отверстие вытек весь гной. Жизненно-важные органы при этом затронуты не были – и отец Серафим через несколько дней совершенно выздоровел. Рана зажила сама собой...<sup>11</sup>

По прибытии в Гродно миссионеры непродолжительное время проходили служение при церкви Рождества Пресвятой Богородицы одноименного женского монастыря. В конце июля 1944 года советские войска освободили город от немецких захватчиков. С одной стороны была радость за освобождение родной земли от агрессора, с другой – гнетущая неопределенность, как поведет себя советская власть в отношении лиц, находившихся на оккупированной территории. Тревожные опасения подтвердились. 6 сентября архимандрита Серафима и иерея Григория арестовали. Пять дней продолжались допросы на месте, а затем подвижников ждала минская тюрьма НКВД.

Официально арестованным предъявили обвинение в сотрудничестве с СД и других совершенно надуманных преступлениях. На самом деле они были лишены свободы за свою миссионерскую деятельность в годы оккупации. Не случайно, во время так называемого «следствия» именно этому аспекту их деятельности уделялось особо пристальное внимание.

На допросах отец Серафим не скрывал своих взглядов. На вопрос о том, что он говорил во время проповедей, когда ездил по Беларуси, он прямо сказал, что часто обращался к народу примерно со следующими словами: «Россия была верующая. Верили наши предки, деды, прадеды, отцы, и теперь мы вновь заживём счастливо

<sup>11</sup> *Кривонос Феодор, священник. Жития священномучеников Минской епархии. Минск, 2002. С. 158.*

через веру. Не хорошо, что безбожники закрывали наши святыни, что ваши отцы и матери умирали без напутствия Святых Тайн и хоронились без священника, а дети росли некрещёные и не венчались...»<sup>12</sup>

Такие проповеди, по свидетельству отца Серафима, произносились им и Григорием Кударенко часто и повсеместно.

Одному Господу известно, что пришлось пережить на допросах арестованным. Вот типичный в ряду многих допрос Серафима (Шахмуть), происходивший 5 декабря 1944 г.

«Вопрос: Вам сейчас предоставляется полная возможность рассказать о своей принадлежности к немецким контрреволюционным органам. Рассказывайте!

Ответ: Агентом немецких контрреволюционных органов я никогда не был.

Вопрос: Ваши показания не правдивы. Вы всё время скрываете, что являлись агентом немецкой контрразведки.

Ответ: Мои показания правдивы, агентом немецкой контрразведки я не являлся.

Вопрос: Вторично предлагаю рассказать о своих связях с немецкими контрреволюционными органами.

Ответ: О своих связях с органами рассказал всё, других показаний по этому вопросу дать не могу»<sup>13</sup>.

Допрос этот, как отмечено в протоколе, был начат в 13 часов, а закончен в 16/15, продолжаясь, таким образом, 3 часа 15 минут. Записано же в протокол было только то, что нами воспроизведено. Нетрудно представить, что скрывалось за пробелами протокола...

Не удивительно, что согласно медицинской справке от 31 декабря 1944 г., подписанной врачом внутренней тюрьмы НКВД, архимандрит Серафим в свои неполных 43 года страдал неврозом сердца.

Десять месяцев (!) его вместе с отцом Григорием продержали под следствием. Особым Совещанием НКВД СССР 7 июля 1945 г. обоим заключённым вынесли приговор о лишении свободы сроком на 5 лет с пребыванием в исправительно-трудовых лагерях. Так они

<sup>12</sup> ЦА КГБ РБ. Д. 35844-с. Л. 59.

<sup>13</sup> ЦА КГБ РБ. Д. Л. 61.

оказались в Горьковской области. Их поместили в разных местах, в 12 км. друг от друга.

По воспоминаниям племянницы отца Серафима – Надежды, из концлагеря он поначалу отправлял своим родным письма, просил прислать посылку. Её ему отправили и получили ответ, в котором он просил выслать ему чеснока и ягод, необходимых для лечения какой-то болезни. Но после второй посылки переписка прекратилась. Связь с родными навсегда прервалась...

5 марта 1946 г. архимандрит Серафим (Шахмуть) мученически скончался в лагере – по официальной версии от сердечно недостаточности.

Священник Григорий Кударенко, отбыв срок заключения, возвратился в Жировичский Свято-Успенский монастырь, принял монашеский постриг с именем Игнатия и почил в 1984 г. в возрасте 89 лет.